

Д.Л. КОНСТАНТИНОВСКИЙ, Е.Д. ВОЗНЕСЕНСКАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена влиянию, которое оказывает обучение за рубежом на формирование социальных норм и правил в нашей стране. Иными словами, получение образования на Западе нас интересует не с точки зрения показателей, традиционных для социологии образования (результативность учебы, усвоение специальных знаний, прохождение сквозь формальные институты системы образования и т. п.), а как возможность восприятия и трансляции социокультурных и институциональных образцов и норм. Мы рассматриваем и процесс усвоения новых институциональных, культурных, поведенческих практик, и их влияние на мировоззрение и повседневное поведение акторов, их трудовую этику, образ жизни, траекторию жизненной карьеры. Тем самым мы пытаемся оценить эффективность образования за рубежом с точки зрения восприятия его получателями западных социокультурных образцов, последующего их воспроизводства в российских условиях.

Примененная исследовательская стратегия и концентрация внимания на субъективном видении участниками своего опыта обучения за рубежом обусловили выбор интервьюирования в качестве инструментария исследования. На начальном этапе интервью строились по типу свободного нарратива — рассказа о путешествии за границу с образовательными целями, что позволило выявить тематические узлы проблематики, типичный ход событий, интерпретации смысла контекста и выйти на использование интервью полуструктурированного вида. Оно содержало перечень тем и вопросов, которые задавались, если информант в своем свободном рассказе их не затрагивал. Полученные в результате ответы отражали коллективный опыт «проживания» аналогичной социальной ситуации, что обнаруживало себя в ряде случаев в сходных высказываниях информантов. Проблематика была сочтена исчерпанной, когда перестала поступать новая информация.

Эмпирическую базу исследования составили тексты 22 полуструктурированных интервью. Массив формировался методом снежного

Константиновский Давид Львович — доктор социологических наук, руководитель Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН. **Вознесенская Елена Дмитриевна** — старший научный сотрудник Института социологии РАН. **Адрес:** 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5, Институт социологии РАН. **Телефон:** (495) 128-69-01.
Электронная почта: konstant@isras.ru.

кома. Опрошены преимущественно молодые люди (в возрасте от 20 до 40 лет), которые имели опыт более или менее длительного (от трех месяцев до нескольких лет) пребывания за рубежом. Представлены те, кто был за границей студентами, получатели степеней магистра и PhD, стажировавшиеся или прослушавшие курс специалисты. После возвращения информантов в Россию прошло от 10 месяцев до 12 лет.

В большинстве своем информанты стали участниками образовательных и других видов программ, инициируемых и финансируемых зарубежными организациями. Среди респондентов мы встречаем разнообразие социокультурных типов, при этом большой объем культурного капитала родительской семьи (в форме высшего образования, интеллектуальных ресурсов, часто — знания иностранных языков, иногда — родственных связей с проживающими за границей) остается ведущей их характеристикой. Среди опрошенных — и москвичи, и выходцы из других регионов России (Волгоград, Красноярск, поселок Любовь Читинской области), а также Белоруссии (Гродно). Таким образом, столичное происхождение — существенный, но не исключительный фактор образовательного путешествия за границу. Важной характеристикой является высокий рейтинг учебного заведения в России, в котором проходило обучение (или которое было окончено) до поездки. Принадлежность к ведущим вузам, видимо, формирует осознание своей успешности и конкурентоспособности. Отчетливо проявляются и определяющие личностные качества респондентов — это инициативные молодые люди, обладающие значительной коммуникабельностью, высокой мотивированностью. Их характеризуют успешная учеба как в школе, так и в вузе, активное начало профессиональной карьеры в России.

В период учебы за рубежом многие имели и опыт трудовой деятельности: студенты занимались подработками, проходившие магистерский курс или курс PhD трудились в университетах, некоторые находили временную работу после учебы, а стажировавшиеся специалисты по самим условиям пребывания были включены в трудовой процесс.

Обучение россиян за рубежом получило в последние годы широкое распространение. Вместе с тем этот феномен до сих пор не вполне охвачен статистикой и практически не является предметом разностороннего научного рассмотрения и описания. Никто, в частности, не ставил вопрос о результативности такого обучения в социокультурном плане. Мы надеемся, что наша работа сможет в определенной мере заполнить этот пробел.

Из всего многообразия открывшихся нам исследовательских тем здесь представлены связанные с восприятием и усвоением новых практик повседневной культуры.

Несмотря на различные намерения и цели выезжающих за границу на учебу, на всю самобытность их индивидуальных историй, можно

сказать, что открытие нового в сфере повседневной культуры, поведенческих норм и культурных практик происходит у всех респондентов, оказавшихся за рубежом. Эти открытия лишь опосредованно зависят от ранее полученных знаний о западной культуре, почерпнутых из книг, кино, средств массовой информации и даже из опыта туристических поездок.

Прибывающий за рубеж с учебными целями оказывается, следуя рассуждению А. Щютца, в ситуации «новичка», который вступает в более или менее длительное непосредственное взаимодействие с культурным образцом группы, членом которой он не является. Щютц употребляет термин культурный образец групповой жизни «применительно ко всем оценкам, институтам, системам ориентации и руководствам (таким как групповые обычаи, нравы, законы, привычки, этикет, мода), которые <...> характеризуют — если не конституируют — любую социальную группу в данный момент ее истории»¹. Культурный образец той групповой жизни, в которую погружается наш «новичок», конечно, не является для него *terra incognita*, но этот образец не обладает для него и авторитетом испытанной системы рецептов в отличие от культурного образца его родной группы. Для того чтобы сближение, а тем более погружение прибывшего в новую для него среду прошли успешно, он должен, помимо освоения языка как основного инструмента включения в чужую среду, проделать «длительное исследование культурного образца группы, с которой он сближается»², эксплицитных и — что особенно важно — имплицитных культурных норм и поведенческих правил, регулирующих характер взаимоотношений в обществе и требующих применения специальных приемов.

Объектом нашего последующего описания стали сюжеты, наиболее часто повторявшиеся в полученных интервью, то есть те, которые вызвали наибольший интерес опрошенных в процессе знакомства и сближения с зарубежным образом жизни. Отметим, что женщины здесь отличаются от мужчин в том смысле, что некоторые аспекты культурных практик, связанных с повседневностью, вызывают у них более пристальный интерес.

Этикет общественного поведения

Первое, что открывают для себя опрошенные — это правила поведения, касающиеся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращений и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда), которые в совокупности составляют то, что принято называть этикетом общественного поведения.

¹ Щютц А. Чужой. Очерк социальной психологии // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. С. 193.

² Там же, с. 206

Манера одеваться

Манера одеваться становится объектом самого пристального внимания наших респондентов и в силу их молодого возраста, и по причине важности этого элемента общественного поведения, расшифровка и усвоение которого необходимы для адекватного взаимодействия с новой средой. Конечно, с поправкой на молодость опрошенных, речь в основном идет о молодежном стиле, но и здесь, исследуя эту тему, опрошенные четко выделяют различия между тем, как одеваются «у нас» и «у них». Более чувствительны к этой теме женщины, они же оказываются более восприимчивы к заимствованию. Большинство опрошенных в первую очередь отмечают своеобразный демократизм в манере одеваться, свободную, удобную и недорогую одежду.

Дарья (8) после учебы в Америке работает в представительстве американской компании в Москве: *«Очень хотелось быть такими, как они. Похожими и внешне, то есть это отразилось и на том стиле одежды, которую я стала носить... Я приехала другая. Я приехала другая внешне. Одежда, конечно, изменилась. Я стала более американизированной. Это джинсы, такая свободная одежда».*

Лена (15) (после трехлетнего пребывания в Англии работает в московском представительстве американской компании) отмечает, что в ее внешнем виде произошли изменения: *«Я не то чтобы обанглицилась, я выглядела по-другому. Не как русские... У женщин это выражается в том, что в Англии не принято краситься, совершенно не принято. Чуть-чуть они могут подкрашиваться, но макияж в нашем понимании — такого не существует. Небрежность в одежде. У нас это очень в глаза бросается, когда едешь туда-сюда. Там на работу они все ходят в костюме и в кроссовках. А кроссовки на работе передевают, потому что это удобно. И с рюкзаком. Дамская сумочка никому не нужна. Едут с рюкзачком и при этом в строгих очень костюмах... Под это надо подстраиваться, чтобы уж совсем от них не выбиваться».*

Однако иногда западный стиль одежды вызывает недоумение в родной среде и может стать источником конфликтов в процессе адаптации вернувшегося домой.

Екатерина (18): *«Первое время, когда я вернулась [из США], я одевалась коряво. Потому что они могут надеть костюм и надеть кроссовки. Юбку и кроссовки. Вот первое время у меня был такой очень спортивный стиль одежды и такой, может быть, небрежный в какой-то степени. То есть русские люди так не одеваются, небрежно именно. По-американски небрежно. И я привезла, естественно, очень много одежды с собой оттуда, и моя мама, она была в шоке, потому что, когда она видела, как я одеваюсь, она теряла дар речи. Потому что она считала, что я одеваюсь ужасно. Я не красилась. То есть я выглядела оборванкой! Она меня так и называла».*

Проводя сравнительный анализ манер одеваться «у них» и «у нас», многие подчеркивают, что женщины в России гораздо больше,

чем на Западе, уделяют внимания своей внешности и тратят на нее гораздо больше средств. Контраст, наблюдаемый в манерах одеваться, Оля (1) объясняет различными жизненными приоритетами, в свою очередь, обусловленными социальными факторами: *«У нас при зарплате около двух тысяч долларов женщины около 30 лет тратят на себя, на красоту, не говорю про имотки, они тратят около 600 евро в месяц. Что по французским меркам нереально. Никто на себя, на красоту столько не потратит... Здесь [в Москве] секретарша может носить сапоги за тысячу долларов, при этом она будет экономить на всем остальном. Это совсем по-другому. Здесь при зарплате в две тысячи долларов тебе не придет в голову, что ты можешь купить себе квартиру. А там девушка возьмет кредит и будет в течение многих лет выплачивать. Естественно, там другие кредитные ставки, плюс здесь не у всех белая зарплата. Но это еще и отношение. То есть другие приоритеты».*

Опрошенные, выявляя новые для них особенности внешнего вида, отмечают и социальный конформизм, присущий западной молодежи, когда эпатажный внешний вид в одних обстоятельствах вполне совмещается с соблюдением более конвенциональных норм в одежде — в других. Лев (9), живя в студенческом общежитии в Шотландии, был приглашен на рождественский ужин: *«Все должны были надеть костюмы. Я никогда раньше костюм, тем более на веселое мероприятие, не надевал. А тут надо было надеть костюм и в нем прийти, и веселье было такое, дикое, как на любом дне рождения в общежитии здесь в Москве. Там было то же самое, но все были одеты в костюмы. Вроде такая мелочь, но это было необычно».*

Эту же способность студентов (в данном случае американских) совмещать раскованный внешний вид и вполне буржуазный конформизм в одежде отмечает и Екатерина (18): *«Они не обращают внимания на одежду... Ненакрашенные, непричесанные, страшные такие все ходят. Но! Если они идут на какое-то официальное мероприятие, вы их не узнаете. Вы никогда в жизни не сможете сопоставить вон того человека, которого вы видели сегодня утром на лекции, и человека вечером. У них у всех мальчиков есть фраки. Обязательно. У 100% мальчиков есть фраки. И 100% девочек имеют красивые вечерние платья, они умеют делать макияж, какие-то прически. Поэтому когда надо, они могут быть очень красивыми. Вот это отличие».*

Отступления от общепринятых норм и правил в манере одеваться характерны и для высококвалифицированной профессиональной среды, что мог наблюдать Саша (4) во время своего пребывания в Америке: *«Калифорния — это особый штат, и там другие совершенно нормы. Силиконовая долина, это “айтишный” мир. Ходят мальчики-миллионеры в джинсах и рваных майках. Это стиль, который они подчеркивают. В пятницу они ходят в сандалиях на босу ногу... Главное, чтобы чисто было... Я тоже стал так одеваться, но не сразу...»*

Те, чья карьера на родине развивается в русле международной деятельности, продолжают воспроизводить западный стиль в одежде

и в своей внешности, корректируя его в соответствии с той социальной позицией, которую они занимают. В этих случаях родное окружение признает за ними это право, они становятся в некотором смысле законодателями моды.

Формы обращений и приветствий

Некоторые имплицитные нормы социального взаимодействия — взгляды, жесты — составляют более глубокий пласт культуры общения, недоступный для быстрого распознавания и вызывающий до того, как будет расшифрован, разного рода недоразумения в ходе взаимодействия с новым окружением. Об этих трудностях включения в среду, особенно на первом этапе пребывания за границей, указывают многие. Отмечают и то, что такого рода «технические» трудности преодолеваются достаточно быстро.

Саша (4): *«Когда едешь на метро, то в простейших случаях ты не знаешь, как спросить: “Вы выходите или нет?” Как его, толкнуть, что ли там? Потому что американского аналога нет. Они как бараны стоят, дверь открывается, они выходят. Ничего друг у друга не спрашивают. В крайнем случае, они просто извиняются. И догадывайся сам. Как-то так не логично, но тем не менее справляешься с собой... То есть там нормы другие».* Игорь (11): *«Приветствование у них своеобразное. У нас за руку здороваются, у американцев, у них один раз поздоровались, как у нас. Но почему-то, когда второй раз руку тянешь, они как-то странно на тебя смотрят. А потом, когда уже все прояснилось, конечно, ничего. Это основное».* Лена (15): *«У нас взгляд другой. В метро [лондонском] я могла русского вычислить — секунда. Мы идем по-другому, мы держимся по-другому. Это необъяснимо... Мы как раз держимся более строго, сдержаннее гораздо. Мы тише говорим и у нас движения рук меньше. У нас нет жестикуляции и мимики совершенно нет, у нас очень спокойная мимика. Я приехала, у меня была мимика как у них: если ты удивляешься, то должно быть такое удивление голливудское, просто как будто ты на сцене! А для них это нормально, ежедневная такая мимика. Нужно также знать, какие словечки и когда вставлять. Удивления там, радость или “ух ты!” Еще что-то. Это нужно просто запомнить один раз. Это на ухо ложится произвольно. И вставлять».* Эти правила поведения, которыми необходимо руководствоваться в процессе пребывания за границей, почти не подлежат заимствованию на длительное время. И если они продолжают воспроизводиться при возвращении домой, то могут становиться источником недоразумений. Та же Лена (15): *«Русские всегда путают это. Мы целуемся один раз, а они два раза. Ну, путаешься... Вот за руку здороваться. Я потом это заметила, что у нас это не было принято. Когда приходишь на интервью, ты протягиваешь руку, здороваешься. И вот здесь [в Москве] мне говорили: “Девочка? Руку протягивает?” Там женщины между собой за руку здороваются. Ну, я имею в виду деловые отношения. На интервью ты всегда прощаешься за руку. А здесь не принято, и иногда ты так руку отдергиваешь и не ожидаешь, что тебе сейчас протянут руку. Мне на это указывали просто, что со стороны это как-то странно».*

Живя за границей, молодые россияне достаточно быстро осваивают новые для них формы обращения и приветствия и пользуются двумя моделями поведения, родной и чужой, умело переключаясь по мере надобности с одного культурного кода на другой. Так, встретившись в Лондоне с русской знакомой, Лена воспроизводит привычную ей родную модель поведения: *«Мы с ней шли по улице, разговаривали, естественно, по-русски и с нашей мимикой, без ужимок этих английских, и прочее... Мы идем, идем, и как-то я жалуясь на жизнь, она мне что-то невеселое рассказывает...»* При неожиданной встрече со знакомым другом — англичанином ей *«хватило секунды перейти на английский и улыбнуться, и сказать "Здравствуйте! Я так рада Вас видеть! И мне так приятно с Вами познакомиться! Я просто с ума схожу, как мне приятно с Вами познакомиться!"... Это автомат. Я говорю "Здравствуйте!" Ну и действительно, вот, расцветаю»*.

Стиль жизни

Открывая отдельные элементы западного стиля жизни, респонденты опираются на свой личный опыт, основанный преимущественно на контактах со сверстниками-студентами как из принимающей страны, так и из других стран. Студенческий этос, молодежный образ жизни носят вполне типовой, космополитический характер: учеба, по возможности работа, досуг, развлечения, новые знакомства, совместные вечеринки, путешествия, ознакомительные поездки, организуемые принимающими университетами, и т. п.

Спорт

Особой популярностью среди приезжающих из России пользуется спорт как форма проведения досуга. Респонденты отмечают, насколько больше возможностей для занятий спортом предоставляет им Запад.

Лев (9), учась в Шотландии, стал активно заниматься спортом: *«В Москве мне нужно было искать это место, куда-то ездить на метро далеко. А там я выхожу из общежития и тут же поле, в котором можно бегать... В британском университете спорт стоит на более важном месте, чем в российском вузе. Хотя у нас обязательная физкультура в вузе, но серьезно занимались спортом гораздо меньше людей, чем в Британии. Я там стал заниматься игрой фрисби по командам, это такая игра с летающей тарелкой. Был такой клуб, там проводятся тренировки и всякие социальные мероприятия. Это мне дало очень много людских контактов»*.

Дарья (8), видя, какое внимание американцы уделяют своему здоровью, стремилась следовать этой модели: *«У меня там появилось желание бегать, плавать и заниматься разными видами спорта. Причем что мне понравилось в Америке, что я смогла взять теннис, которым здесь у меня не было возможности заниматься, тэквандо тоже, у меня не было возможности. Там я тоже записалась в спортивную секцию по плаванию, чтобы ездить в команде сборной от института на соревнования»*. Однако

некоторые любившиеся и усвоенные спортивные практики не смогли быть продолжены после возвращения на родину по причине того, что либо местное сообщество их отторгает, либо отсутствуют соответствующие возможности. Вернувшись домой, Дарья остро ощутила отсутствие этих возможностей: *«Мне очень хотелось, но я взрослая, а у нас эти секции в основном для детей. Очень хотелось продолжить, пусть я не умею играть, но мне хотелось очень попробовать... Естественно, по привычке в США я продолжала бегать, хотя это желание быстро ушло после всяких комментариев со стороны прохожих. Люди просто не понимали, я была единственная, которая пыталась бегать».*

Особенности питания

Открытия в области кулинарного искусства той или иной страны ограничиваются тем, что в основном опрошенные стипендиаты во время своей учебы живут в студенческих общежитиях, подчиняясь нехитрому укладу студенческого бытия. Человеческие контакты зачастую сводятся к общению со сверстниками, проживающими в общежитии. Кроме того, обучающиеся за границей ведут далеко не роскошную жизнь. Размеры получаемых стипендий (в отличие от российских) позволяют их получателям жить, учиться и питаться в стране обучения, однако это требует постоянной калькуляции расходов и самоограничения, на что указывают многие. Сергей (2) получил премию за выигранный архитектурный конкурс, которая предназначалась для стажировки в США: *«У меня были эти 7 000 долларов, которые я должен был растянуть на длительное время, плюс я хотел еще поехать потом в Европу, в общем я ел в супермаркетах какие-то сосиски, экономил страшно... В материальном смысле все это было довольно жестко».*

Студенческий быт не располагает к гастрономическим изыскам. Но даже те, кто имел возможность погружаться в гастрономические исследования (чаще — женщины, либо те, кто, снимая жилье, общался с хозяйкой квартиры, а главное те, кто приобщался к профессиональной деятельности) отмечают, что по мере того как различия между Россией и Западом в потребительских стандартах в области продуктов питания сближаются, открытий в этой области практически не происходит: Лена (15): *«Тем более у нас тут открылись те же самые супермаркеты и, в общем, все стало так же, как и там... Быстро привыкаешь к их продуктам, равно как и быстро от них отвыкаешь... Ну вот, например, русской еды мне даже не хватало. Первый год я даже гречку возила... Потом мы там нашли русский магазин, где можно было покупать какие-то вещи. Считается, что в Англии нет культа еды. Продукты у них крайне неинтересные. У нас выбор молочных продуктов гораздо лучше. Поэтому какой-то трагедии из-за ресторанов или магазинов не было».*

Саша (4), проживая в США, обнаруживает социальную подоплеку различных режимов питания: *«Ну правда, вот то, что называется модифицированная еда, немодифицированная. Натуральная еда, она дорого».*

стоит, раза в три дороже... Одно время я работал в дорогом районе Сан-Франциско... там толстого вообще никогда не увидишь. Они все очень худые, подтянутые, все бегают. И машины у них тоже другие».

Характерно, что женщины, исследуя западные диеты, с усердием руководствуются ими во время жизни на Западе, однако вскоре после возвращения домой эти навыки пропадают. Екатерина (18): *«Была у меня попытка, как только я вернулась, есть хлопья по утрам, но наше молоко, оно не такое, как их молоко, у нас оно сладкое, у них оно пресное, никакущее. Короче говоря, нет, никаких привычек я оттуда не вынесла...»*

Формы приглашения в гости и прием гостей

Наблюдения, а тем более усвоение новых практик в таких сферах социального взаимодействия, как прием гостей, предполагают длительное пребывание за рубежом, а также возможность установления более обширных контактов, чем группа студентов-сверстников. Поэтому говорят об этом те, кто снимал жилье и успел обзавестись более широким кругом друзей и знакомых. Оля (1): *«Первое, к чему я с трудом привыкла, это то, что о встречах, о гостях надо договариваться заранее. О том, чтобы пойти поужинать, надо договариваться заранее, за несколько дней. Это — культура. Даже если делать нечего, надо о встрече договариваться заранее. Вот это самое, самое сложное».* Екатерина (18): *«Еще они заранее все планируют. И даже чтобы встретиться с друзьями, устроить какую-то вечеринку, нужно согласовывать с каждым. Ну не с каждым — у них все в электронном виде. То есть рассылается приглашение по всем. “Ребята, мы хотим пригласить вас туда-то, туда-то”. Это надо делать заранее, потому что они расписывают свои вечера, свои дни, свои планы за месяцы вперед. Поэтому нельзя так позвонить и сказать “Приезжай ко мне”. Скорее всего вам откажут, скажут: “Ты что? У меня другие планы. Я не планировал. Вот давай там, через неделю будет дырка, я готов к тебе приехать”. Вот эта странность, наверное, у них».* Вернувшись домой после полутора лет жизни в США, Екатерина принципиально отказывается от соблюдения этого западного этикета в пользу спонтанной русской манеры приглашать или напрашиваться в гости: *«Как я могла раньше позвонить и сказать “Слушай, я к тебе приду”, вот так мгновенно. Или когда мне звонят и говорят “Мы у тебя на пороге, мы зайдем”. — “Заходите”. Здесь ничего не поменялось».*

Так же негативно оценивает регламентированность в общении со знакомыми Саша (4): *«Когда у нас были там друзья американцы, когда к ним в гости приходишь, с трех до пяти тебя приглашают. В пять часов они укладывают детей спать, там даже в голову не придет остаться. Когда приходят наши друзья там в два часа ночи, три часа ночи, какое кому дело, если ты сидишь, как бы нормально... Поэтому тут совсем все по-другому. Принципиально по-другому... Здесь, в Москве, можно месяцами в гости не ходить».*

Более активное заимствование новых практик приема гостей характерно для выходцев из регионов, для тех, кто оказался за границей

впервые. Так, Марина (6), родом из Гродно, впервые обнаружила для себя существование фуршета: *«Девушка, которая была дочкой преподавателя, нас пригласила на вечеринку, посвященную дню рождения. И то, что никто не сидел за столом, никому не подавали есть, а все сидели по углам, на полу и тарелки стояли в общем месте... Для меня это дало большой толчок, потому что я не видела до этого так. Мы приходили, мы всегда пили чай за столом. Я начала так проводить время».*

Опрошенные отмечают, что регламентированы договоренности о встречах не только между частными лицами. Обязательное коллективное проведение вне рабочего времени является составной частью корпоративных норм поведения. Это наблюдала и в этом обязана была участвовать Лена (15), работая в лондонской фирме: *«С ними важно пойти выпить. Если ты с ними не ходишь пить, то ты какая-то не своя. А по пятницам после работы это практически правило, нужно пойти пить в паб. Это называется фрайди найт. Об этом все знают и спрашивают: “Ну, ты же идешь?”... Там они быстро напиваются... А в понедельник нужно обязательно обсудить, пришел с утра — нужно обсудить, как посидели в пятницу. Кто напился, как это было весело, как это было здорово... И вот весь понедельник они тебе будут рассказывать».* Вернувшись в Москву и начав работать в крупной западной компании, Лена обнаруживает те же проявления корпоративного этикета: *«Теперь я понимаю, что это от Москвы ничем не отличается. В Москве мы тоже отделом можем куда-то выйти».*

Нормы взаимоотношений в общественном месте

В качестве самого сильного впечатления от первых контактов за границей с представителями чужой группы все опрошенные называют уважительность, вежливость, любезность, благожелательность. Символом всех этих качеств выступает улыбка, направленная на другого.

Наталья (7): *«В Германии... я была иностранка, которая приехала одна, на стажировку. И фактически очевидно было, что мне можно было чем-то помочь. Как только они это понимали, они сразу готовы были помочь. Они мне что-то подсказывали, они что-то мне дарили, там, нужное, не нужное, но все равно они это делали. Они любыми путями стремились мне улыбаться, рассказывать что-то, поддерживать... Это было настоящее, искреннее. Люди действительно очень открытые. Я после этого очень хорошо о них думаю».* Дарья (8): *«Я, например, не допускаю никакой грубости, я в Америке никогда этого не видела. Ко мне всегда обращались вежливо. Это культура общения, скажем, с незнакомыми людьми. Я не считаю, что есть эта надуманная американская улыбка. Это признак профессионализма, потому что с улыбкой работать гораздо легче и приятней всем окружающим».* Игорь (11) *«Люди улыбались, везде улыбались. Независимо от ситуации, что там у них на душе, они улыбались, везде приветствовали».*

То, что для западного человека является автоматизмом, у прибывающих из России становится объектом рефлексии, и часто мы встречаем критическое рассуждение об улыбке, о вежливости вообще

как о чисто формальном приеме, за которым не стоит никакой искренности, а потому лицемерном и фальшивом. По мере того как расшифровывается предлагаемый культурный образец, пресловутая вежливость, возникает противопоставление «у них» и «у нас» часто в пользу последнего. Петр (12): *«Ну сразу стало понятно, что они злоупотребляют политкорректностью и формализмом в отношениях между людьми. У них это больше лицемерие... На самом деле никому нет дела... И даже в этой бизнес-переписке сейчас я не все общепринятые нормы употребляю. То есть я стараюсь употреблять то, что для меня имеет смысл. То есть если я пишу “с уважением”, значит, я это пишу именно тебе. Если я пишу “дорогой”, это непосредственно по смыслу и значит. То есть я формальную вежливость не принял и не приму... То есть меня скорее раздражала в них показная вежливость».*

Информанты, находясь за границей, активно ею пользуются. Для новичка, попадающего в чужую группу, улыбка служит своего рода маской, за которой можно скрыть растерянность и неспособность правильно ориентироваться в новой ситуации.

Как отмечал Саша (4), *«самое главное, что ты чувствуешь себя... есть такая фраза, по-моему, у Веллера, придурковатым членом общества, то ли свободного, то ли сытого, важно, что ты чувствуешь себя придурковатым членом этого общества, то, что ты должен улыбаться все время, хотя ты половины не понимаешь в принципе».*

Однако когда эту улыбку привозят на родину, то чаще всего она не находит ответа, оказывается неуместной и постепенно исчезает.

Лена (15): *«Эта улыбка, я тоже потом с ней приехала в Москву. Ты ее нацепляешь и в Москве уже ходишь как идиотка. А потом это проходит в Москве. Потому что никто не улыбается, и в Москве надо совсем по-другому... Улыбка сошла через какое-то время. У нас, к сожалению, наверное, агрессивнее толпа. И ты не ждешь вежливости, абсолютно, в магазинах... Нет».*

В процессе реадaptации к родной среде сохраняющаяся улыбка часто становится источником недоразумений. Екатерина (18), вернувшись в Москву, первое время улыбалась на улице: *«На меня смотрели как на ненормальную, потому что я улыбалась. Я несколько раз чуть не попала под машину [кстати, такие ситуации пережили и другие опрошенные, вернувшись на родину. Привычка к соблюдению правил уличного движения создает предаварийные ситуации в родной среде, где приоритет пешехода перед транспортом далеко не очевиден. — Прим. авт.]. Меня обругали несколько раз. Причем, когда меня обругивали, я улыбалась в ответ... Человек, который меня обругивал, он понимал, что я ненормальная, и ехал дальше».*

Позитивные мнения о западной вежливости как норме поведения преобладают, и эта вежливость часто противопоставляется родному «хамству». Соня (14): *«Американцы очень улыбкивы. У нас очень угрюмая нация. Люди злые, а это понятно, ожесточены от тяжести зарабатывать,*

зарабатывать, зарабатывать, иначе у тебя ничего не будет. Сил на улыбку не остается. В том числе и у меня, я могу, как мама смеется, «обгавкать» так, что мало не покажется... У меня друзья есть, красивые девушки, которые за собой следят, там, маникюр, макияж, прическа, но при этом лицо иногда такое бывает — “не подходи — убью!”... Я такая же. У меня не хватает моральных сил... Мне бы хватило на родных и близких вылить хорошее что-то. А на посторонних...»

Контраст между западными и российскими нормами поведения в общественном месте переживается информантами весьма драматично (особенно женщинами) и сразу после возвращения домой этот контраст может стать причиной настоящих депрессий. Дарья (8): *«Встретили меня родители. Первое впечатление — огромная радость от встречи с ними. Но буквально следующее же впечатление, когда видишь аэропорт Шереметьево и тебе со всех сторон дымят в лицо сигаретами, конечно, был сразу шок. Сразу отвержение всего, отвержение грязных полов, отвержение грубости, отвержение какого-то ожидания. Это все не мое казалось. То есть я прилетела в чужую страну. Это слезы в машине. Это наушники с американской музыкой. Это боязнь потерять любой контакт, который был со мной в течение года. Это мое решение потратить все мои заработанные средства, учитывая то, что моя семья, скажем, среднего достатка, на компьютер. Для чего? Чтобы поддерживать связь».*

Екатерина (18) стремилась вернуться на родину, но, прибыв в Москву, она испытала настоящий культурный шок: *«Я увидела разницу между вот улыбчивыми лицами там, очень яркой одеждой — они очень ярко одеваются, — я увидела измученных людей здесь, у нас в метро, например. Измученные совершенно люди, подавленные, вот эти попрошайки. Все такие серые, злые, пихаются, толкаются, все ругаются. В метро, если час пик, то это битва и бойня. Меня это шокировало, и я вдруг поняла: “Боже мой! В какой стране я живу!”* Через какое-то время острота переживания смягчается, вернувшийся домой так или иначе возвращается к нормам родной среды: *«Ну, а потом нормально... Сначала я улыбалась, в метро улыбалась. Перестала я это делать какое-то время спустя. То есть я окунулась в российскую действительность и все. Нормально».*

Характерно, что по мере углубленного исследования западного культурного образца и по мере его освоения формируется более критическое к нему отношение. Начинается процесс более осознанного отношения к своим собственным нормам поведения, традициям, привычкам. Обнаруживается стремление к определению своей идентичности. У многих дихотомия «у нас/у них» постепенно теряет характер однозначного противопоставления, «открываются глаза» на культурную легитимность своей группы. Так, Оля (1), несмотря на активное неприятие негативных сторон жизни в России, различает разные формы «галантности» в России и Франции: *«У французов есть общий уровень культуры, вот он есть, и его не пробьешь. Вот дверь он тебе в морду не кинет, но и пальто никогда не подаст... Места не уступят ни во*

Франции, ни в Москве... Но зато в Россию приезжаешь, и здесь тебе пальто подадут... Не все, конечно, но все-таки приятно. Вот такие весы получаются интересные».

О культуре учебных, производственных, деловых отношений

Те, кто имел за границей какие-либо трудовые контакты, кто мог непосредственно наблюдать за тем, «как работают на Западе», не соглашались с бытующим мнением, что на Западе люди работают лучше и больше, чем в России.

На Западе работают не больше...

Олег (10): «В Англии более расслабленная в целом система труда. В России гораздо больше организаций, где жесткая дисциплина, где культура трудоголизма, где люди работают очень, очень много. В Англии такого нет. В Англии 35-часовая рабочая неделя. Люди, как правило, не задерживаются на работе. В России это скорее редкость. В Англии это скорее правило». Математик Дмитрий (5): «У меня не сложилось впечатления, что Франция — это страна трудоголиков, работащих. Нет, вполне сравнима с российским менталитетом в этом плане. Но, конечно, если говорить об организации, вот даже организация не чисто научной работы, а всяких сопутствующих организационных, административных структур, она конечно там существенно эффективней, проще, люди работают без сбоев».

...Но организована работа лучше

В рассуждениях информантов на тему эффективности западной модели труда (учебного или производственного) часто возникает противопоставление «у них/у нас», причем всегда в пользу «у них». По частоте упоминаний в интервью выделяются такие характеристики учебных или производственных взаимоотношений, как пунктуальность, четкость в распределении работы, отсутствие патернализма в отношениях преподаватель-студент или начальник-подчиненный.

Если в отношении к учебе или к труду опрошенные особых различий не отмечают, то доверие, которое им оказывают как к исполнителям, предоставление им свободы и самостоятельности в выполнении порученного, будь то учеба или работа, отмечают многие. Это — главное, что поразило Сергея (2) в американском образовании: «Ты должен подписываться на какие-то курсы, выбирать нужные тебе знания, то есть набираешь из каких-то модулей всю программу своего образования. Соответственно, присутствовать или не присутствовать на этих лекциях ты выбираешь сам, там есть какие-то формы отчетности, но нет зачетов, экзаменов, просто иногда тебя просят сделать какую-нибудь презентацию, или написать какой-то текст, или поучаствовать в каком-то семинаре... У тебя набираются очки, складывается какая-то твоя академическая история, которая может быть оценена со стороны в виде баллов или кредитов...» Все эти новшества вызвали у Сергея, не привыкшего к такой свободе, противоречивые чувства: «Просто очень много было на

мое усмотрение, я к этому не привык. Я понял, что нет никакого четкого графика, то есть он как бы есть, но очень разреженный. На фоне того, что здесь [в Москве] происходит, там все было направлено на то, чтобы развивать свое индивидуальное. И вот, с одной стороны, свой московский вуз я ненавидел за давление, за то, что там все дубово, заорганизованно, и нет вообще креативного процесса, такая кафкианская машина. А там — это просто чистое поле, может, с кем-нибудь встретишься случайно, какие-то перемещаются фигуры, с которыми ты можешь пересечься, а можешь и нет».

По мнению Насти (3) «европейская трудовая этика основывается на хорошей и четкой организации труда, на достаточно формальном подходе к исполнению работы и обязанностей. Это и в хорошем, и в негативном смысле. Если испанец должен прийти в библиотеку ли, в университет, в офис к восьми часам, то надо быть в восемь часов. Если уйти нужно в пять, то все дела откладываются, и человек идет в пять. Ну хотя бы даже на этом уровне. Это то, чего не хватает в России».

Особо отмечается организация учебы и труда, нацеленная на конечный результат. Юлия (2), обучаясь в США по магистерской программе в области гуманитарных наук, отмечает особенности отношения к учебе своих американских коллег: «Они платили за свое образование и соответственно у них был большой стимул учиться, поскольку они за это платят деньги, и они заинтересованы в том, чтобы был какой-то результат. У них очень важно то, что они нацелены на результат. Вот это такая их позиция, что ли. Вот ты себе поставил цель, и ты должен получить. Результат для них может быть даже значительнее, чем сам процесс...» Этот опыт многому научил Юлию: «Вот то, что себе надо ставить определенные цели и к ним идти. Нацеленность на результат и вообще профессиональное такое отношение».

Обобщая, можно сказать, что практически все опрошенные, особенно те, кто имел опыт деловых отношений на Западе, отмечают более эффективную, хорошо спланированную и одновременно более свободную организацию учебного и трудового процесса и считают необходимым заимствование такого опыта и применение его в России. Однако практически воспроизводить эту модель удастся лишь тем, кто в России достигает более или менее высоких позиций в сфере бизнеса или оказывается вовлечен в сферу международного сотрудничества.

Эффективность полученного опыта

Пребывание в течение какого-то времени в благожелательной среде в качестве объекта особенной заботы и опеки принимающей стороны способствует формированию в наших респондентах новых социокультурных качеств. Респонденты активно воспринимают и легко усваивают нормы коммуникации, основанные на соблюдении взаимной вежливости. Доброжелательность, внимательность, отзывчивость и вежливое обращение с прибывшими из России приводят к тому, что

последние начинают чувствовать и вести себя более раскованно, перестают «зажиматься», обретают чувство независимости и свободы. Именно эти новые свои качества респонденты определяют как безусловную эффективность полученного за рубежом опыта.

Характерно высказывание Юли (20), которая следующим образом определяет самое главное, что дало ей образование за рубежом: *«Уверенность в себе, уверенность в том, что я в принципе обладаю определенными знаниями, определенным опытом, которые позволят мне себя реализовать в профессиональной жизни. То есть я приехала гораздо более уверенным в себе человеком. Хотя и до этого была в принципе уверенным. Но я приехала открытым. Терпимым человеком»*. Настя (3): *«Человек там становится более открытым, потому что само испанское общество, испанский характер таков, что жизнь более открыта. Безусловно, еще независимость... Я не боялась стучаться в любую дверь, писать в любой фонд. Я знала, что мне обязательно ответят, даже если люди не располагают информацией. Я знала, что мне всегда ответят в любезной форме и дадут совет, куда еще можно обратиться»*. Дарья (8): *«Наверно, я стала более неформально общаться с преподавателями, хотя это не было никакой грубостью. То есть с любой проблемой я могла подойти, я уже не стеснялась там сказать, что меня беспокоит, хотя раньше я лучше бы сделала вид, что я знаю. Теперь, если я не знаю, то я тянула руку и говорила честно перед всей аудиторией, что я не знала, что я это не знаю, можете ли это повторить»*.

Именно эти лица наиболее оптимистично оценивают свой опыт пребывания за границей и ту роль, которую играют такие люди, как они сами, в инновационных процессах трансформирующейся России. В первую очередь это можно отнести к получившим опыт обучения на Западе молодым представителям регионов. Дарья, уроженка Волгограда (8): *«Конечно, как правило, люди, которые возвращаются из-за рубежа, у них очень много творческих идей. Они очень активные. Они формируют вокруг себя, скажем, такое поле заинтересованных людей. Они пытаются что-то создать, пытаются что-то изменить...Пытаются даже на бытовом уровне привести в порядок тот двор, в котором они живут... Какие-то идеи попробовать перенять, реализовать на местах... Они изменяют свою культуру, они изменяют свой социум. Начиная со своих родных, близких, рассказывая, распространяя... Не то что агитируя, а просто пытаюсь сделать какие-то инициативы на местах. Вовлекается больше людей, в итоге общество меняется...»* Петр, уроженец Гродно, (12) глубоко убежден, что *«люди, вернувшиеся из-за границы, могут изменить что-то в России по самому факту своего существования и по факту того, что они из себя представляют, то, как они себя ведут, то, как они работают. Ты просто учишь людей вокруг себя. Люди же, они тоже с глазами и с ушами. Они все видят и стараются, если это пример успешный, ему подражать»*.

Выводы

Усвоение прибывшим «новичком» новых для него культурных норм и образцов поведения, закрепление и перенесение их в российскую

действительность зависят от того, насколько относительно велика была дистанция между культурным образцом прибывающего за рубеж и тем социально-культурным контекстом, в который он попал, насколько новыми и привлекательными оказались для него эти «открытия». Большая часть нашего массива представляет выходцев из московских относительно благополучных в социальном и культурном отношении семей. Такая молодежь уже в России может получать качественное образование, уже до учебной поездки приобретает опыт заграничных путешествий, ее образ жизни все более приближается к западным стандартам, а отношение к труду определяется возможностями, которые этот труд предоставляет для получения материальных благ. Эта молодежь особых открытий в сфере культурных норм и практик поведения не делает. Переживание культурных шоков (по крайней мере, бытового порядка) при встрече с западной культурой все более сглаживается. Для такой молодежи обучение на Западе важно скорее с точки зрения вовлечения, включения в международную коммуникативную сеть, формирования контактов, связей, обеспечивающих в последующем свободную межкультурную коммуникацию на равных с представителями других стран.

Гораздо больше открытий в области социокультурных практик, более активное усвоение, энтузиазм «неофитов» обнаруживают молодые выходцы из российской провинции. В этой связи можно было бы утверждать, что расширение социальной базы стипендиатов международных программ с точки зрения доступа к этим формам обучения для жителей регионов и удаленных провинций России могло бы существенно повысить эффективность самой этой практики на общегосударственном уровне.

С точки зрения усвоения культурных, институциональных норм и правил чужой среды, большое значение имеет длительность непосредственного контакта с ней. Короткое пребывание за границей (3–6 месяцев) — всего лишь временная ситуация сближения, которая не позволяет расшифровать «чужое» и мало что меняет во взглядах и оценках новичка. Он просто не успевает разглядеть различия, выработать свое к ним отношение. Вернее, если человек изначально ориентирован на краткий визит, он и не настроен на исследование чужого культурного контекста. В таких случаях респонденты приводят достаточно поверхностные наблюдения скорее эмоционального толка.

Чем более углубляются прибывшие за границу в изучение чужого образа жизни, чем более они в него реально погружаются, тем более критическим становится их взгляд на многое из того, что прежде идеализировалось. Соответственно, тем более лояльно они начинают смотреть на то, что прежде вызывало их осуждение в родной стране. Последовательно и убежденно опрошенные настаивают на самобытности

своей культуры, на праве быть непохожими, о чем свидетельствуют их многочисленные утверждения.

В этом отношении характерно рассуждение Насти (3): *«Такая романтическая сказка по поводу Испании, может быть, частично развеялась, потому что одно дело жить у кого-то в гостях, на всем готовеньком, а другое дело сталкиваться с какими-то ежедневными бытовыми человеческими проблемами. Это, конечно, все меняет. Как говорят, чтобы полюбить свою страну, нужно пожить вдали от нее. Вот со мной произошло примерно то же самое».*

Можно говорить также и о том, что опыт проживания за границей способствует своеобразной глобализации видения мира: сравнение «у нас» и «у них» часто приводит к выводу, что *«все везде, по большому счету, одинаково».*

Многое из того, что происходит с молодым человеком во время его учебы на Западе, интенсивность его «открытий» в западном образе жизни существенным образом предопределяется его исходными социальными и культурными ресурсами. Одновременно можно заметить, что некоторая избыточность социального и культурного «благополучия» может вызывать своего рода конфликтность в процессе сближения с чужой группой во время заграничной учебы, которая предполагает позицию «смирненного» ученичества. Своеобразный снобизм, который выражается в ощущении своего социального и культурного превосходства над чужой группой, провоцирует конфликты в процессе сближения с ней и существенно снижает результативность полученного опыта.

Воспроизводство в России усвоенных реалий и образцов поведения, бытовых норм имеют неодинаковую степень прочности: одни культурные нормы усваиваются ненадолго и через некоторое время в России пропадают, не находя отклика в местном сообществе. Пропадает, например, усвоенная во время пребывания за границей улыбка, поскольку нет ответной улыбки на лицах или она вызывает неадекватную реакцию со стороны «своих». Ряд привычек перестает практиковаться, поскольку нет принимающей базы, например спортивной, или нет понимания новых правил поведения на работе, в преподавании и т. п. Усвоенные манеры и нормы поведения продолжают применяться преимущественно в тех случаях, когда носитель новых правил строит свою дальнейшую карьеру в пространстве международной профессиональной деятельности, то есть в непосредственном взаимодействии со средой, более или менее аналогичной той, в которую он погружался, находясь за границей.

Можно предположить, что если эти новые модели поведения все же воспроизводятся по возвращении обучавшихся на родину, то это означает, что в самой России формируется среда, способная

откликнуться на них. Сближению поведенческих правил и практик способствует формирующееся бытие современной России. Симптоматично в этом отношении рассуждение Екатерины (18), когда она говорит о «нацеленности американцев на зарабатывание денег»: *«Они все время об этом думают. Они совершенно четко фиксируют свои затраты и прочее. Они планируют свой бюджет. Да и я пытаюсь считать деньги. Но я не знаю, честно говоря, трудно судить, из чего все это вылилось... Мне кажется, сейчас все, все нацелены на зарабатывание денег. Поэтому я думаю, что заслуга в этом далеко не моего пребывания там. То есть это естественный путь развития страны любой, которая развивается по тому пути, по которому сейчас Россия развивается».*

В конечном счете, привносятся ли культурные нормы и правила поведения из-за рубежа, или они формируются в самой России, все зависит от того, насколько изменяется само российское общество в ходе своих политических, экономических и социальных преобразований, вызывающих адекватные духу преобразований новые культурные нормы и правила.